

ЛИЧНОСТЬ ПРЕСТУПНИКА В КРИМИНОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА

А.В. Шеслер^{1, 2}

¹ Национальный исследовательский Томский государственный университет, г. Томск, Российская Федерация

² Кузбасский институт Федеральной службы исполнения наказаний России, г. Новокузнецк, Российская Федерация

Информация о статье

Дата поступления
18 февраля 2020 г.

Дата принятия в печать
8 апреля 2020 г.

Дата онлайн-размещения
30 апреля 2020 г.

Ключевые слова

Предмет криминологии; личность преступника; общественная опасность личности преступника; биологический подход; социологический подход; психологический подход; типология преступников

Аннотация. В статье дается характеристика эволюции взглядов в советской криминологии на такой элемент ее предмета, как личность преступника. Указывается, что в силу господства в досоветский период в криминологии антропологического подхода к личности преступника первые советские криминологические исследования этой личности основывались на наличии у нее определенных психических отклонений, на которые необходимо воздействовать терапевтическими средствами. Отмечается, что социальный характер марксистской доктрины, рассмотренный в соответствии с ней преступности как наследия эксплуататорского общества, а также ошибочная подмена в первых советских криминологических исследованиях личности преступника личностью, совершившей общественно опасные деяния в результате имеющихся у нее психических отклонений, привели к прекращению таких исследований. Констатируется, что с возрождением криминологических исследований с середины 1960-х гг. личность преступника не сразу была включена в предмет криминологии в качестве самостоятельного элемента. Выделяются три сформировавшихся в советской криминологии подходы к изучению личности преступника: социологический подход, характеризующий личность преступника как особый социальный тип, отличающийся от законопослушных граждан общественной опасностью, состоящей в реальной возможности совершения этой личностью нового преступления; психологический подход, выделяющий в личности преступника особые психологические свойства (дефекты правосознания, искажения системы ценностей и т.д.) или определяющий преступника как отчужденную от общества личность; биосоциальный подход, характеризующий преступника как генетически или психопатологически предрасположенную к преступлению и реализующую эту предрасположенность в неблагоприятной социальной среде личность. Делается вывод о том, что в современный период эти подходы создали основу комплексного исследования личности преступника, в соответствии с которым она рассматривается в совокупности социальных, биологических и психологических качеств.

THE PERSONALITY OF A CRIMINAL IN CRIMINOLOGICAL STUDIES OF THE SOVIET PERIOD

Alexander V. Shesler^{1, 2}

¹ National Research Tomsk State University, Tomsk, the Russian Federation

² Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Novokuznetsk, the Russian Federation

Article info

Received
2020 February 18

Accepted
2020 April 8

Available online
2020 April 30

Keywords

Object of criminology; personality of a criminal; social danger of the personality of a criminal; biological approach; sociological approach; psychological approach; typology of criminals

Abstract. The paper describes the evolution of the views of Soviet criminologists on such element of its object as the personality of a criminal. As the anthropological approach to the personality of a criminal was dominant in the criminology of the pre-Soviet period, the first Soviet criminological studies of criminal personality were based on viewing a criminal as a person with mental deviations which should be corrected therapeutically. It is noted that the social character of the Marxist doctrine, its understanding of crime as a legacy of the exploitative society, as well as the fallacy of substituting the personality of a criminal by that of a person who committed publically dangerous acts due to mental deviations in the early Soviet criminological studies led to the termination of such research. After the renaissance of criminological studies in mid-1960s, the personality of a criminal was not immediately included in the object of criminology as an independent element. The author singles out three approaches to researching the personality of a criminal in Soviet criminology: the sociological approach that identifies certain psychological features in the personality of a criminal (defects of legal consciousness, distortions of the value system, etc) or de-

finer a criminal as a person alienated from society; the bio-social approach that characterizes a criminal as person who is genetically or psycho-pathologically predisposed to crime and who acts on this predisposition in an unfavorable social environment. It is concluded that, in the modern period, these approaches have created a basis for a complex study of the personality of a criminal, according to which it is viewed as an aggregate of social, biological and psychological features.

Советский политический режим с самого начала своего существования столкнулся с проблемой роста преступности в стране. Исследователи отмечали, что если с марта 1916 г. по апрель 1917 г. количество краж в Москве увеличилось в 5, а грабежей — в 20 раз, то после революции стихия разбушевалась еще в больших размерах [1, с. 62]. Советская власть оперативно и жестко отреагировала на возникшую проблему. Уже в 1917 г. были приняты первые правовые документы, на основе которых осуществлялось противодействие преступности, и были созданы советские правоохранительные органы: в октябре принято постановление НКВД «О рабочей милиции», в ноябре — Декрет о суде, в декабре была учреждена Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем. Формирование правовых основ противодействия преступности продолжилось и в дальнейшем. В июле 1918 г. утверждено Положение о государственной статистике, в соответствии с которым был организован отдел моральной статистики. В декабре 1919 г. изданы Руководящие начала по уголовному праву РСФСР, ставшие своего рода прообразом УК РСФСР 1922 г. К середине 20-х гг. XX в. система органов борьбы с преступностью, ее законодательная и статистическая база в целом были сформированы.

В этой связи встал вопрос о теоретическом осмыслении преступности и ее истоков. В 1918–1920 гг. были предприняты первые попытки изучения преступности в Советском государстве — издавались обзоры о показателях преступности, о деятельности народных судов, революционных трибуналов, чрезвычайных комиссий. В циркулярах Центрального карательного отдела комиссариата юстиции РСФСР отмечалась необходимость научной классификации заключенных, изучения личности преступника. В 1918 г. в Петрограде был открыт кабинет по изучению преступности и преступника, в 1922 г. в Саратове — кабинет криминологической антропологии и судебно-медицинской экспертизы, в 1923 г. при Московском отделе здравоохранения был создан кабинет по изучению личности преступ-

ника и преступности. Аналогичные кабинеты в этот период открывались во многих университетских городах России и Украины.

Научными источниками, на которые в первые годы советской власти опирались криминологические исследования, были работы дореволюционных ученых, воззрения которых носили в основном антропологический характер и сформировались под влиянием трудов Чезаре Ломброзо, Энрико Ферри, Франца фон Листа и других западных ученых конца XIX в., исходивших из наличия прирожденного преступника, обладающего опознавательными внешними физическими признаками в виде аномалии черепа [2, р. 153, 156, 157, 159–180] или физиономии [3, р. 105–107, 112–116, 183], либо из наличия у преступников признаков телесного и душевного вырождения, покоящегося на наследственной дегенерации [4, р. 16–18, 92–93].

Дореволюционные отечественные исследователи указывали на преступника как на вырождающуюся натуру, характеризующуюся душевными болезнями, расстройствами и аномалиями, которые должны подвергаться лечению [5, с. 82, 93–94, 587–589]. Даже те исследователи, которые признавали за преступностью социальный характер, полагали, что антропологические причины, коренящиеся в устройстве, наклонностях, характере народа или расы [6, с. 6, 67–69, 123] либо определяемые возрастом человека [7, с. 27, 28, 33–45, 65–170], являются определяющими или играют серьезную роль в определении преступного поведения, если выражаются в дурной предрасположенности, природных дефектах, наследственной предрасположенности или ненормальности половой сферы [8, с. 413–418].

В силу указанных обстоятельств исследования преступности и ее субъективного источника — личности преступника — в значительной мере носили антропологический характер. Об этом прежде всего свидетельствует деятельность указанных кабинетов, изучавших преступность, в тематике которых значительное место занимала криминальная психология. Показательными являются заголовки научных публи-

каций: «Возрождение Ломброзо в советской криминологии» [9], «К психологии хулиганства» [10], «Уголовное право и рефлексология» [11] и др. В 1923 г. была переведена на русский язык и издана в нашей стране монография немецкого криминолога М. Геринга «Криминальная психология», а через три года под таким же названием вышла в свет работа выдающегося русского юриста, психолога С.В. Познышева [12].

Многие исследователи, работавшие в кабинетах, относились к преступности как патологическому явлению, а к личности преступника — с медицинских позиций, исходивших из того, что исправления преступников можно достичь терапевтическими средствами, заранее определяя методы изучения преступности вообще и личности преступника в частности.

Параллельно развивалась и судебная психология, сторонники которой изучали психологию следствия, поведения участников процесса в суде. Как правило, этим занимались психиатры и психологи: А.Р. Лурия, П.Б. Ганнушкин, Е.К. Краснушкин, А.Е. Брусиловский, А.С. Тагор и др.

Это было время интенсивного обсуждения наукой уголовного права понимания значительности биосоциальных детерминантов поведения человека. Основоположниками такого понимания в советской стране были выдающиеся ученые П.М. Сеченов, В.М. Бехтерев, П.П. Павлов с их научными школами психофизиологии проблем регуляции поведенческих реакций и их детерминантов. Влияние идей этих исследователей на многих представителей юридической науки было огромным. В качестве примера можно привести известную всем дружбу между физиологом П.М. Сеченовым и криминалистом Н.С. Таганцевым, который, отрицая смысл для правоприменительной практики дефиниции «уменьшенная вменяемость», все же признавал значение биологического в детерминации преступного поведения.

Для начального периода советской власти характерно и то, что многие партийные руководители всячески поддерживали идею наличия определенных склонностей человека для дальнейшего изучения биологических детерминантов, исходя, очевидно, из того, что коммунизм даже на стадии социализма свободен от существенных пороков, порождающих преступность. «Для марксиста всякое преступление есть продукт непримиримости классовых антагонизмов... эксплуатация масс создает нищету, невежество, одичание, пороки... они исчезнут лишь в более

поздней фазе коммунистического строя», — писал М.Ю. Козловский, один из видных деятелей советской юстиции, в 1918 г. [13, с. 9].

Отметим, что в рассматриваемый нами период были исследователи, которые не разделяли такого подхода. Так, С.Я. Булатов писал, что московские криминологи вместо классификации преступников преподносят психофизиологическую классификацию «человека вообще... как биологической особи, взятой вне социального пространства, вне исторического времени» [9, с. 56], и критиковал саму идею подобной классификации преступников: «В понятии преступников нет ни грамма ни от биологии, ни от психопатологии... За одну и ту же биологически примерно равноценную, импульсивную реакцию, например убийство, можно получить и орден Красного Знамени, и приговор к высшей мере наказания...» [там же, с. 57]. В.И. Куфаев указывал, что несовершеннолетний правонарушитель не является каким-то особым ребенком, отличным от ребенка-неправонарушителя, что дети совершают правонарушения по причине экономической нужды, в результате отсутствия за ними присмотра, под влиянием на них семьи, имеющей нездоровые занятия [14, с. 13–14].

Однако в этот период развития советского государства на первый план в изучении личности преступника выдвигался анализ психофизических аномалий преступника как главного детерминанта его антиобщественного поведения. Так, московским кабинетом по изучению личности преступника и преступности весной 1923 г. — года его открытия — началось обследование населения арестных домов столицы. Его инициатором был начальник административного отдела Московского совета Орлеанский, которого особенно интересовала социально-экономическая сторона московской преступности, и в частности классово-социальный состав обвиняемых. Одним из руководителей этого исследования был известный психиатр Е.К. Краснушкин.

Важно отметить, что анкета для исследования была составлена представителями трех специальностей: социологии, психиатрии и антропологии. Это исследование проводилось в отношении примерно 2 тыс. лиц, находившихся в московских арестных домах, в два этапа. На первом этапе оно осуществлялось под руководством социологов и психиатров студентами медицинского факультета МГУ, на втором этапе — врачами и слушателями курса судебной психиатрии [15, с. 54]. Программа исследования

содержала три части: социологическую, психиатрическую и антропологическую. Последняя часть осталась невыполненной.

Характеризуя результаты исследования, Е.К. Краснушкин утверждал, что подход к проблеме преступности базируется на том, что только треть преступников являются полноценными личностями, остальные либо умственно отсталые (37,0 %), либо психопаты (31,1 %) [16, с. 62]. Эти выводы, как в дальнейшем станет известно, были сделаны Е.К. Краснушкиным и его сторонниками не на основании всестороннего изучения личности обследованных лиц, которые жили в конкретных условиях, а исходя из результатов надуманных психолого-психиатрических тестов, направленных на измерение умственного развития [17, с. 31–39].

В аналогичном направлении высказывал свои суждения и С.В. Познышев, который, изучая личность преступника, особое внимание уделял психическим расстройствам. Выделяя наследственность и органическую основу психической конституции, он проводил классификацию преступников на экзогенных и эндогенных. По этому симптому он считал возможным каждую из подгрупп подразделять на лиц с нормальной нервной системой и невропатом, на людей без признаков физической дегенерации и дегенератов. После этого он считал необходимым выделить из общей массы их психологические конституции [18, с. 34–37, 42–47, 99–102, 117–120]. Совершенно очевидно, в первых советских криминологических исследованиях произошла ошибочная подмена личности преступника личностью, совершившей общественно опасные деяния в результате имеющихся у нее психических отклонений.

Такой подход в исследовании не мог привести лиц, проводивших изучение личности преступника, к явно выраженному ломброзианству. Это обусловлено тем, что антропологическое изучение личности предполагает исследование морфологических, типологических особенностей преступника с обязательным изучением его конституции, гигиенического состояния, расовых особенностей, половых, возрастных признаков, плодовитости, мимики, а также с необходимостью производить функциональные измерения (сила рук, темперамент и т.п.), над чем долгие годы работал Ч. Ломброзо.

В этой связи уместно отметить, что за несколько лет до проведения названных выше исследований С.Я. Булатов писал, что «исходя из доброго

намерения социологизировать психологические понятия, профессор Краснушкин биологизирует понятия социальные. Такого рода ошибки в истории науки — вещь частая, и обычно они случаются со специалистами, пытающимися распространить привычные методы и понятия на чужую сферу» [9, с. 48]. А немного позже А.А. Пионтковский указывал, что нельзя объяснить изменчивое социальное явление — преступление — постоянными свойствами природы человека, в том числе преступного человека [19, с. 31].

Для объединения криминологических исследований в стране, преодоления обнаружившихся недостатков в методологии, методах исследований постановлением СНК РСФСР от 25 марта 1925 г. был создан Государственный институт по изучению преступности и преступника. В межведомственный совет, определявший линию исследований института, вошли представители наркоматов юстиции, внутренних дел, просвещения и здравоохранения, а 1 июля 1925 г. было утверждено положение, которое обозначило цели института. Всего было определено шесть целей, среди которых разработка системы и методов изучения заключенных и пенитенциарного воздействия на них, а также изучение отдельных лиц, представляющих интерес для выяснения преступности. В составе института было четыре секции: социально-экономическая, пенитенциарная, биопсихологическая и криминалистическая. Биопсихологическая секция изучала механизмы поведения и характер преступников, психопатические особенности личности преступников, соотношение между психопатией и преступностью, анализировала психиатрические принципы в пенитенциарной политике, рассматривала отдельных лиц, представлявших интерес для выяснения явления преступности. Институт имел в своем составе статистическое бюро, сотрудники которого на основе материалов, полученных во время проведения Всесоюзной переписи населения 1926 г., ввели первичные листки, заполнявшиеся на заключенных, в которых содержались вопросы криминологического характера: классово-социальный состав преступников, их бытовые условия до и после совершения преступления, пол, возраст, образование, семейное положение. Известно, что в распоряжении института оказалось свыше 125 тыс. листов, содержащих сведения о лицах, совершивших преступления. Этот материал после статистической обработки нашел отражение в двух вы-

пусках сборника «Современная преступность», опубликованных в 1927 и 1930 гг.

В октябре 1928 г. состоялось Всесоюзное совещание работников пенитенциарного дела. На нем с докладом об изучении личности преступника выступил М.Н. Гернет, который указал на разобщенность и разноплановость методов работы различных учреждений по изучению личности правонарушителя [20, с. 36–37]. На совещании указывалось и на то, что не было единой линии в работе института и его кабинетов-филиалов, допускавших разные уклоны в своих исследованиях, что изучение преступности и личности преступника было различно по объему, задачам и методологии. Отмечалась необходимость координации деятельности по изучению личности преступника; акцентировалось внимание на том, что изучение преступности и личности преступника в научных учреждениях «должно вестись лишь на основе методов диалектического материализма... Отводя должное место изучению личности преступника, отнюдь не ограничивая участие в этой работе деятелей... медицины, совещание считает, что изучение личности преступника при посредстве применяемых ими методов может получить действительную значимость лишь на фоне и в сочетании со всесторонним и углубленным исследованием социально-экономических факторов преступности» [21, с. 270].

Реальное решение сложных методологических проблем могло быть найдено на основе изучения личности преступника методами социологического, социально-психологического анализа, путем постановки и рассмотрения теоретических и прикладных проблем. Но общественно-политическая ситуация в стране в начале 1930-х гг. развивалась таким образом, что об этом не могло быть и речи. Антропологические выводы криминологических исследований о преступности и личности преступника противоречили господствовавшей марксистской идеологии, являвшейся по своей сути социальной доктриной и исходившей из социальной природы преступности. Кроме того, значительные успехи советской власти в борьбе с преступностью (политическим и общеуголовным бандитизмом, профессиональной преступностью, преступностью несовершеннолетних и т.д.) на долгие годы предопределили идеологический миф об антикриминогенной природе социализма и лженаучности криминологических исследований, предмет которых исчезает по мере строительства коммунистического общества.

В результате в 1930-х гг. криминологические исследования прекратились, научные учреждения, занимавшиеся ими, были переориентированы на проблемы уголовной и исправительно-трудовой политики [22, с. 197–199; 23, с. 18–21]. Отдельные вопросы преступности с точки зрения ее быстрой ликвидации в СССР как пережитка эксплуататорского общества, сохранившегося во многом благодаря агрессивному империалистическому окружению, освещались в учебниках по уголовному праву. Личность преступника в них не изучалась и обозначалась как антисоветский элемент, который нуждается в глубинном изменении ее сознания (исправлении и перевоспитании) в интересах советского общества [24, с. 2–9, 76–77, 160–162]. Соответственно такой постановке вопроса преступник становился объектом мер социальной защиты, целями которой являлось предупреждение новых преступлений со стороны лиц, совершивших их; воздействие на других неустойчивых членов общества; приспособление совершивших преступные действия к условиям общежития государства трудящихся (ст. 9 УК РСФСР 1926 г.).

С середины 1960-х гг. постепенно, сложно и противоречиво происходило возрождение криминологических исследований. Причем это возрождение осуществлялось в рамках науки уголовного права. По этой причине некоторые исследователи вплоть до начала 1970-х гг. утверждали, что криминология — часть науки уголовного права, применение метода конкретно-социологического исследования в ней [25, с. 37–39, 46–53]. Безусловно, такое возрождение отечественной криминологии наложило отпечаток на конкретные криминологические исследования, которые первоначально в значительной мере носили обслуживающий характер по отношению к решению проблемы науки уголовного права. Прежде всего это касается исследований, посвященных личности преступника. Показательной в этом отношении является работа А.Б. Сахарова «О личности преступника и причинах преступности в СССР». Автор, опираясь на позицию уголовного закона о том, что при назначении наказания суд должен учитывать личность виновного (ст. 32 Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик), указывал на то, что субъект преступления в науке уголовного права должен изучаться не только с позиций признаков общего или специального субъекта преступления, но и с позиций субъекта уголовной ответственно-

сти. По мнению автора, это позволяет раскрыть причины преступного поведения, признаки его субъективной стороны, избрать надлежащую меру уголовного наказания, решить практические вопросы применения исправительно-трудового воздействия на осужденного. Такой подход вывел автора на необходимость изучения общекриминологических проблем, связанных с причинами преступности в целом, с условиями формирования личности преступника, с характеристикой психологических особенностей преступника, их взаимодействием с условиями совершения преступлений [26, с. 12–59].

Получилось, что возрождение отечественной криминологии началось с исследований о личности преступника. Однако она не сразу была включена в предмет отечественной криминологии даже после того, как было признано право криминологии на существование в качестве науки и учебной дисциплины. В частности, в монографическом исследовании А.А. Герцензона в ее предмет были включены преступность, ее причины, меры ее предупреждения. Однако автор не мог обойти необходимость изучения личности преступника, посвятил ей седьмую и восьмую главы, где речь шла о методике ее изучения по конкретному уголовному делу и о статистической обработке результатов ее анкетного изучения. Необходимость такого изучения автор обосновывал тем, что Уголовно-процессуальный кодекс каждой союзной республики, входящей в состав СССР, обязывает лиц, производящих предварительное расследование, и суд выявлять причины и условия каждого преступления, большинство из которых представляют пережитки прошлого, главным образом капитализма, в быту и сознании советских людей. Кроме того, автор указывал на важность изучения личности преступника и для оказания на него исправительно-трудового воздействия [27, с. 22–25, 122–123, 140–180]. Аналогичной была позиция авторов первого советского учебника по криминологии. Такая противоречивая позиция обосновывалась необходимостью избежать подхода буржуазной криминологии, исходящей из наличия у преступников врожденной биологической предрасположенности к преступлениям [28, с. 5–9]. Важным в этом обосновании является то, что носителем преступного поведения является личность, без изучения которой невозможно выявить субъективную причину преступления и определить меры индивидуального воздействия на преступника. Полагаем,

что именно в результате этого обоснования личность преступника в качестве самостоятельного элемента наряду с преступностью, ее причинами и ее предупреждением стала включаться в предмет советской криминологии уже в конце 1960-х и в последующие годы [29, с. 3–5; 30, с. 18; 31, с. 4–5; 32, с. 1; 33, с. 7; 34, с. 10–11; 35, с. 13–17; 36, с. 51; 37, с. 14, 17].

В дальнейшем, несмотря на единую методологическую основу криминологии в виде марксизма, сформировалось три подхода к изучению личности преступника, а именно: социологический, психологический и биосоциальный. Каждый из них возник и развивался под влиянием достижений других наук, используемых в криминологии, а также под влиянием критики их сторонниками аргументов друг друга.

Социологический подход к изучению личности преступника возник под воздействием зарубежной и советской социологии, в которой личность рассматривалась в качестве особого социального типа, включавшего в себя типичные признаки, сформированные социальной средой [38, с. 120–123], а также социальной психологии, изучающей личность в социальной группе [39, с. 133–170; 40, с. 271–273, 303–308]. Основным социально-типичным свойством личности преступника исследователи называли ее общественную опасность, которую усматривали в реальной угрозе совершения преступником нового преступления. Степень общественной опасности такой личности, по их мнению, состояла в степени возможности совершения преступником нового преступления. В качестве основного критерия этой общественной опасности называлось уже совершенное преступление [41, с. 24–26, 187–188; 42, с. 33–35].

Особую популярность в 1960-х гг. приобрела в социологии и социальной психологии теория социальных ролей [43, с. 7, 40, 41, 99]. Под социальной ролью понимается совокупность определенных ожиданий, прежде всего определенного поведения от личности, занимающей в системе социальных связей какие-либо социальные позиции [44, с. 470–471]. Эта теория нашла живой отклик в криминологических исследованиях личности преступника, прежде всего в аспекте ее ориентации на определенную социальную (референтную) группу [45, с. 173–179]. Исследователи, непосредственно занимающиеся проблемой личности преступника, ее общественную опасность отождествили с ее социальной (асоциальной) ролью [46, с. 30–36; 47, с. 18–32].

Однако чисто социологический подход к личности преступника в результате не давал ответа на вопрос о том, в чем состоит причина совершения личностью преступления. Он позволял лишь выявить типовой социально-демографический портрет преступника (преобладание среди преступников мужчин, молодежи, занятых низкоквалифицированным трудом, не состоящих в браке и т.д.) [48]. Такая информация в определенной мере ориентировала только на то, среди каких категорий в большей степени необходимо проводить профилактическую работу. Поэтому сторонники общественной опасности личности преступника как его социальной роли под влиянием работ советского психолога Д.Н. Узнадзе [49] пошли по пути сочетания чисто социологического подхода к личности преступника с психологическим подходом. По мнению исследователей, указанная социальная роль преступника вытекала из наличия у него антиобщественного отношения. Криминологи выделяли различную степень выраженности антиобщественного отношения у преступников: простое антиобщественное отношение, характерное для случайных преступников; антисоциальная установка личности, которая характерна для лиц, совершающих преступления либо под влиянием благоприятной криминогенной ситуации, либо в нейтральной для преступления обстановке; антисоциальная направленность личности, которая характерна для лиц, совершающих преступления даже в ситуации, препятствующей этому [50, с. 35–39]. Такой подход позволил обосновать наличие различных типов преступников [51–53].

Однако социологический подход не учитывал сугубо индивидуальные психологические или биологические особенности личности, обуславливающие совершение конкретного преступления. Поэтому, восполняя в некоторой мере односторонность социологического изучения личности преступника, параллельно с социологическим подходом в советской криминологии формировались психологический и биосоциальный.

Всех сторонников психологического подхода к изучению личности преступника объединяло, пожалуй, только одно стремление — найти особые психологические свойства личности, характерные только для преступников. В том, какие это свойства, исследователи расходились. Одни из них указывали на дефекты правосознания [54], другие — на дефекты нравственных и

иных потребностей личности [55], третьи — на деформацию мотивационной сферы личности, опредмечивающей эти потребности и являющейся индивидуально-психологической причиной преступного поведения [56, с. 9–11]. Ряд исследователей даже характеризовали мотивы преступников как более узкие по кругу, более бедные по содержанию и асоциальные по сущности [53, с. 114, 130–134].

Вместе с тем указанные дефекты в психологической сфере были характерны и для значительной части населения, которая не нарушала уголовного закона. Поэтому отдельные исследователи стали утверждать, что личность преступника отличается от личности законопослушного гражданина не тем, что обладает определенными нравственно-психологическими качествами, а тем, что она эти качества реализует в преступном поведении. Такое утверждение привело, по сути, к банальному выводу о том, что личность преступника представляет собой некую совокупность типичных социально-демографических или психологических свойств лица, совершившего преступление [57, с. 43–44]. Таким образом, поиски особых свойств личности преступника в психологической сфере поставленных целей не достигли.

Стремление найти особые свойства личности преступника в психологической сфере привело к адаптации в советской криминологии теории психологического отчуждения личности. Исследователи стали характеризовать личность преступника как личность, психологически отчужденную от общества, т.е. как личность, утратившую эмоциональные связи в основных сферах социализации (в семье, школе, трудовом коллективе и т.д.). Результатом такого отчуждения является состояние тревожности, беспокойства личности. В основе совершения любого преступления лежит механизм психологической защиты, доминирует стремление к самоутверждению, которое может быть различным. При совершении корыстных преступлений лицо снижает тревожность по поводу своей социальной определенности, самоутверждает себя в обществе; при совершении насильственных преступлений лицо снижает тревожность по поводу своей жизни и телесной неприкосновенности [58; 59, с. 57–66; 60, с. 48–52, 80–90, 97, 117, 138; 61, с. 4–5, 9, 14–15]. Эта позиция внесла много конструктивного в раскрытие механизма формирования личности преступника, прежде всего несовершеннолетнего преступника, пси-

хологически отчужденного от позитивных сфер социализации в силу отсутствия положительных эмоциональных связей (семьи, школы, иного учебного заведения, досуговых учреждений и трудового коллектива) и вошедшего в криминогенную или преступную группу, в которой он эти связи обрел и удовлетворил потребность в общении со сверстниками [62, с. 66–84; 63, с. 57–82]. Однако она не давала ответа на простой вопрос о том, что в личности человека является субъективной причиной преступного поведения. Дело в том, что последствия психологического отчуждения личности многоаспектны, и не все они влекут совершение отчужденной личностью преступления. Отчужденная от общества личность может стать алкоголиком, наркоманом, сутенером, проституткой, самоубийцей и т.д.

Биосоциальный подход с момента возрождения советских криминологических исследований в полной мере не сформировался по той же причине, по какой к 1930-м гг. были свернуты все криминологические исследования: по причине несоответствия выводов о наличии особых биологических свойств в личности преступника социальной доктрине марксизма о социальной обусловленности всех общественных явлений. Однако заблуждение советской идеологии о том, что социализм является антикриминогенной социальной системой, дало определенную опору для спекулятивных поисков причин преступности в биологических свойствах человека. В наиболее полном виде биосоциальный подход получил разъяснение в работах И.С. Ноя. Исследователь утверждал, что причины преступного поведения при социализме носят биологический характер, а социальная среда является его условием. Биологические причины преступного поведения автор усматривал в передаваемых по наследству патологических свойствах личности, попадающей в неблагоприятную социальную среду, играющую роль условий совершения преступления [64, с. 164–165, 173, 178–180; 65, с. 7–10, 18–19, 23].

Несмотря на то что позиция И.С. Ноя исключала ответственность советского общества за совершение отдельными ее членами преступлений, она встретила жесткий отпор со стороны других криминологов. Исследователи отмечали, что биологические свойства играют роль условия, а не причины преступного поведения; они могут затруднить правильное нравственное формирование личности или способствовать проявлению негативных свойств личности в

преступном поведении [66, с. 41–46; 67, с. 63–64]. Никаких биологических свойств, в частности генотипа человека, делающих его предрасположенным к преступному поведению, не существует [68, с. 192–199].

В практическом плане недостаток позиции И.С. Ноя состоял в том, что прогнозировать поведение человека, вызванное биологическими, а не социальными причинами, было невозможно. Кроме того, исследователь применил двойной подход в объяснении причин преступности при социализме и при иных социальных системах (так, капиталистическое общество безоговорочно характеризовалось как общество, неизбежно порождающее преступность). В сфере противодействия преступности автор предлагал сделать упор не на улучшение социальной ситуации в стране, а на применение мер уголовной политики, в частности на специальное предупреждение преступлений, на реализацию наказания, сочетаемого в необходимых случаях с принудительными мерами медицинского характера [66, с. 106–108, 184–192].

Вместе с тем полностью в советской криминологии биологические свойства личности преступника не игнорировались в силу биосоциальной сущности человека, а также усиления психотравмирующих факторов, влияющих на поведение человека (в советское время — насыщение производственной и бытовой сферы людей источниками повышенной опасности, предъявляющими повышенные требования к психофизиологическим свойствам человека при их неизменности, участие части военнослужащих в военных действиях в Афганистане, чернобыльская авария, иные экологические катастрофы, масштабные волнения на почве межнациональных конфликтов и др.). Достижения психиатрической науки позволили установить определенное влияние психических расстройств на преступное поведение. По мнению исследователей, оно состояло в том, что такие расстройства затрудняли позитивную социализацию личности, облегчали проявление криминогенной мотивации в конкретной ситуации совершения преступления, затрудняли выбор правомерного варианта поведения в ней, способствовали совершению эксцессивных действий. Исследователи даже зафиксировали определенную зависимость между формой психических расстройств и видом преступного поведения (возбудимые психопаты склонны к совершению преступлений против личности,

паранойальные — против общественного порядка и т.д.) [69, с. 11–27; 70, с. 56–57, 69; 71, с. 263, 277–278; 72, с. 47–64]. Ряд исследователей отмечали отсутствие статистически верной зависимости между формой психической патологии и склонностью к определенному виду преступления, указывали даже на то, что в некоторых случаях психические расстройства оказывают антикриминогенное действие, препятствуя совершению преступления, или являются нейтральными к обусловливанию преступления [73, с. 144–172]. Таким образом, конкретные исследования о влиянии психических отклонений на преступное поведение подтвердили основной вывод советских криминологов, а именно: биологические свойства играют роль условия, а не причины преступного поведения.

Нетрудно заметить, что разделение подходов к изучению личности преступника на социологический, психологический и биосоциальный носит условный характер, так как к началу 1990-х гг. между ними обнаружили точки соприкосновения: социологическое изучение личности преступника сопровождалось изучением ее психологических особенностей, психологическое изучение этой личности, а также признание возможного влияния на ее поведение психиче-

ских отклонений не исключали доминирующего воздействия социальной среды. В современный период это дало возможность интегрированного изучения личности преступника, в соответствии с которым она рассматривается в совокупности социальных, биологических и психологических качеств [74–76]. Такая постановка проблемы позволяет охарактеризовать демографические особенности преступника (более высокий удельный вес мужчин по сравнению с женщинами, молодежи, безработных, людей, не имеющих своего жилья, и т.д.), специфические психологические свойства (психологическая отчужденность, сложность социальной адаптации и т.д.), влияние биологических свойств на преступное поведение (психические расстройства, наркомания, алкоголизм и др.). Это исключает имевшие место в отечественной криминологии пессимистические суждения о невозможности изучения личности преступника, представляющей собой лишь статистически значимое понятие, определяющее, сколько лиц совершило преступления, а также о необходимости изучения вместо этого психологического механизма индивидуального преступного поведения, отражающего взаимодействие личности с ситуацией совершения преступления [77, с. 185–189].

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Исаев М.М. Общая часть уголовного права РСФСР / М.М. Исаев. — Ленинград : Гос. изд-во, 1925. — 199 с.
2. Lombroso C. Les Anarchistes / C. Lombroso. — Paris : Flammarion, 1896. — 258 с.
3. Ferri E. Criminal Sociology / E. Ferri. — New York : D. Appleton & Company, 1898. — 284 p.
4. Liszt F. Lehrbuch des deutschen Strafrechts / F. Liszt. — Berlin : J. Guttentag, 1900. — 678 p.
5. Дриль Д.А. Преступность и преступники. Учение о преступности и мерах борьбы с нею / Д.А. Дриль. — Москва : Инфра-М, 2006. — 770 с.
6. Гогель С.К. Курс уголовной политики в связи с уголовной социологией / С.К. Гогель. — Москва : Инфра-М, 2014. — 386 с.
7. Неклюдов Н.А. Уголовно-статистические этюды / Н.А. Неклюдов. — Москва : Инфра-М, 2019. — 197 с.
8. Чубинский М.П. Очерки уголовной политики / М.П. Чубинский. — Москва : Инфра-М, 2010. — 435 с.
9. Булатов С.Я. Возрождение Ломброзо в советской криминологии / С.Я. Булатов // Революция права. — 1920. — № 1. — С. 42–61.
10. Халецкий А.М. К психологии хулиганства / А.М. Халецкий // Изучение преступности и пенитенциарная политика. — Одесса : Одес. центр. ДОПР, 1928. — Вып. 2. — С. 5–28.
11. Волков Г.И. Уголовное право и рефлексология / Г.И. Волков. — Харьков, 1926. — 132 с.
12. Познышев С.В. Криминальная психология: преступные типы / С.В. Познышев. — Ленинград : Гос. изд-во, 1926. — 255 с.
13. Козловский М.Ю. Пролетарская революция и уголовное право / М.Ю. Козловский // Пролетарская революция и право. — 1918. — № 1. — С. 7–10.
14. Куфаев В.И. Педагогические меры борьбы с правонарушениями несовершеннолетних / В.И. Куфаев. — Москва : Работник просвещения, 1927. — 167 с.
15. Титова Т.С. Изучение личности преступника и преступности (исторический экскурс) / Т.С. Титова, Ф.С. Сафуанов // Российский психиатрический журнал. — 2017. — № 1. — С. 54–59.
16. Краснушкин Е.К. Изучение личности преступника в СССР и за границей / Е.К. Краснушкин. — Москва : Мосздравотд., 1925. — 67 с.
17. Краснушкин Е.К. Судебно-психиатрические очерки / Е.К. Краснушкин. — Москва : Изд-во М. и С. Сабашниковых, 1926. — 114 с.
18. Познышев С.В. Криминальная психология. Преступные типы. О психологическом исследовании личности как субъекта поведения вообще и об изучении личности преступника в частности / С.В. Познышев. — Москва : Инфра-М, 2007. — 302 с.

19. Пионтковский А.А. Марксизм и уголовное право. О некоторых спорных вопросах теории уголовного права / А.А. Пионтковский. — Москва : Юрид. изд-во НКЮ РСФСР, 1928. — 241 с.
20. Гернет М.Н. Моральная статистика (уголовная статистика и статистика самоубийств) : пособие для статистиков и криминалистов / М.Н. Гернет. — Москва : Центр. стат. упр., 1922. — 269 с.
21. Реформа тюрем и перспективы исправительно-трудового дела в СССР : 1-е Всесоюз. совещ. пенитенциар. деятелей, 15–21 окт. 1928 г. / отв. ред. Е.Г. Ширвиндт. — Москва, 1929. — 283 с.
22. Иванова Л.О. Пути и судьбы отечественной криминологии / Л.О. Иванова, Л.В. Ильина. — Москва : Наука, 1991. — 208 с.
23. Криминология. Исправительно-трудовое право. История юридической науки / отв. ред. В.Н. Кудрявцев. — Москва : Наука, 1977. — 192 с.
24. Меньшагин В.Д. Советское уголовное право / В.Д. Меньшагин, З.А. Вышинская. — Москва : Госюриздат, 1950. — 520 с.
25. Герцензон А.А. Уголовное право и социология / А.А. Герцензон. — Москва : Юрид. лит., 1970. — 286 с.
26. Сахаров А.Б. О личности преступника и причинах преступности в СССР / А.Б. Сахаров. — Москва : Госюриздат, 1961. — 280 с.
27. Герцензон А.А. Введение в советскую криминологию / А.А. Герцензон. — Москва : Юрид. лит., 1965. — 228 с.
28. Советская криминология : учебник / А.А. Герцензон, В.К. Звирбуль, И.И. Карпец, Ю.П. Касаткин ; отв. ред. А.А. Герцензон, И.И. Карпец, В.Н. Кудрявцев. — Москва : Юрид. лит., 1966. — 320 с.
29. Криминология / под ред. Б.В. Коробейникова, Н.Ф. Кузнецовой, Г.М. Миньковского. — Москва : Юрид. лит., 1988. — 384 с.
30. Криминология / под ред. В.Н. Кудрявцева, В.Е. Эминова. — Москва : Юристь, 1997. — 512 с.
31. Алексеев А.И. Криминология / А.И. Алексеев. — Москва : Щит-М, 1998. — 340 с.
32. Криминология / под ред. Н.Ф. Кузнецовой, Ю.Н. Аргуновой. — Москва : Зерцало-М, 2001. — 208 с.
33. Криминология / под ред. В.Д. Малкова. — Москва : Юстицинформ, 2004. — 528 с.
34. Кудрявцев В.Н. Лекции по криминологии / В.Н. Кудрявцев. — Москва : Юристь, 2005. — 188 с.
35. Клейменов М.П. Криминология / М.П. Клейменов. — Москва : Норма, 2008. — 448 с.
36. Лунеев В.В. Курс мировой и российской криминологии. В 2 т. Т. 1 : Общая часть / В.В. Лунеев. — Москва : Юрайт, 2011. — 1003 с.
37. Антонян Ю.М. Криминология / Ю.М. Антонян. — Москва : Юрайт, 2012. — 523 с.
38. Рабочая книга социолога / отв. ред. Г.В. Осипов. — Москва : Наука, 1976. — 512 с.
39. Шихирев П.Н. Современная социальная психология США / П.Н. Шихирев. — Москва : Наука, 1979. — 230 с.
40. Андреева Г.М. Социальная психология / Г.М. Андреева. — Москва : Аспект Пресс, 2008. — 363 с.
41. Волженкин Б.В. Проблемы совершенствования уголовного законодательства об ответственности за легализацию преступных доходов: избранные труды по уголовному праву и криминологии (1963–2007 гг.) / Б.В. Волженкин. — Санкт-Петербург : Юрид. центр Пресс, 2008. — 972 с.
42. Гришанин П.Ф. Ответственность преступников-рецидивистов по советскому уголовному праву / П.Ф. Гришанин. — Москва : Акад. МВД СССР, 1974. — 150 с.
43. Кон И.С. Социология личности / И.С. Кон. — Москва : Политиздат, 1967. — 383 с.
44. Общая социология / под ред. А.Г. Эфендиева. — Москва : Инфра-М, 2002. — 634 с.
45. Яковлев А.М. Преступность и социальная психология / А.М. Яковлев. — Москва : Юрид. лит., 1971. — 248 с.
46. Филимонов В.Д. Общественная опасность личности преступника / В.Д. Филимонов. — Томск : Изд-во Том. ун-та, 1970. — 278 с.
47. Игошев К.Е. Типология личности преступника и мотивация преступного поведения / К.Е. Игошев. — Горький : Горьк. высш. шк. МВД СССР, 1974. — 168 с.
48. Личность преступника / В.Н. Кудрявцев, Н.Н. Кондрашков, Н.С. Лейкина, Г.М. Миньковский. — Москва : Юрид. лит., 1975. — 270 с.
49. Узнадзе Д.Н. Психологические исследования / Д.Н. Узнадзе. — Москва : Наука, 1966. — 452 с.
50. Филимонов В.Д. Криминологические основы уголовного права / В.Д. Филимонов. — Томск : Изд-во Том. ун-та, 1981. — 214 с.
51. Филимонов В.Д. Общественная опасность личности отдельных категорий преступников и ее уголовно-правовое значение / В.Д. Филимонов. — Томск : Изд-во Том. ун-та, 1973. — 154 с.
52. Голик Ю.В. Случайный преступник / Ю.В. Голик. — Томск : Изд-во Том. ун-та, 1984. — 168 с.
53. Лунеев В.В. Мотивация преступного поведения / В.В. Лунеев. — Москва : Наука, 1991. — 383 с.
54. Долгова А.И. Правосознание в механизме преступного поведения и его дефекты у несовершеннолетних / А.И. Долгова // Вопросы изучения и предупреждения правонарушений несовершеннолетних : сб. тр. / под ред. В.Н. Кудрявцева. — Москва, 1970. — Ч. 1. — С. 135–149.
55. Бочкарева Г.Г. Вопросы изучения личности преступника и их значение для криминологии / Г.Г. Бочкарева // Вопросы изучения и предупреждения правонарушений несовершеннолетних : сб. тр. / под ред. В.Н. Кудрявцева. — Москва, 1970. — Ч. 1. — С. 96–100.
56. Кудрявцев В.Н. Конфликт и насильственное преступление / В.Н. Кудрявцев. — Москва : Наука, 1991. — 174 с.
57. Зеленский А.Ф. Рецидив преступлений и личность рецидивиста / А.Ф. Зеленский. — Волгоград : Высш. следств. шк. МВД СССР, 1980. — 108 с.
58. Антонян Ю.М. Криминогенная роль психологического отчуждения личности / Ю.М. Антонян // Советское государство и право. — 1988. — № 8. — С. 53–57.
59. Антонян Ю.М. Личность корыстного преступника / Ю.М. Антонян, В.П. Голубев, Ю.Н. Кудряков. — Томск : Изд-во Том. ун-та, 1989. — 160 с.

60. Антонян Ю.М. Изнасилования: причины и предупреждение / Ю.М. Антонян, В.П. Голубев, Ю.Н. Кудряков. — Москва : ВНИИ МВД СССР, 1990. — 192 с.
61. Антонян Ю.М. Методика ТАТ в изучении личности преступника / Ю.М. Антонян // Личность преступника: методы изучения и проблемы воздействия : сб. тр. / под ред. Ю.М. Антоняна. — Москва, 1988. — С. 4–16.
62. Шеслер А.В. Устойчивые преступные группы несовершеннолетних (уголовно-правовые и криминологические вопросы) : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / А.В. Шеслер. — Томск, 1991. — 206 с.
63. Прокументов Л.М. Групповая преступность несовершеннолетних и ее предупреждение / Л.М. Прокументов. — Томск : Изд-во Том. ун-та, 1993. — 144 с.
64. Ной И.С. Методологические проблемы советской криминологии / И.С. Ной. — Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1975. — 223 с.
65. Ной И.С. Личность преступника и ее значение в изучении преступности в условиях социалистического общества / И.С. Ной // Ученые записки Саратовского юридического института. — 1969. — Вып. 16. — С. 5–24.
66. Ной И.С. Сущность и функции уголовного наказания в советском государстве / И.С. Ной. — Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1973. — 192 с.
67. Кудрявцев В.Н. Причинность в криминологии / В.Н. Кудрявцев. — Москва : Юрид. лит., 1968. — 176 с.
68. Кудрявцев В.Н. Причины правонарушений / В.Н. Кудрявцев. — Москва : Наука, 1976. — 286 с.
69. Емельянов В.П. Преступность несовершеннолетних с психическими аномалиями / В.П. Емельянов. — Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1980. — 97 с.
70. Антонян Ю.М. Преступность и психические аномалии / Ю.М. Антонян, С.В. Бородин. — Москва : Наука, 1987. — 208 с.
71. Дубинин Н.П. Генетика. Поведение. Ответственность / Н.П. Дубинин, И.И. Карпец, В.Н. Кудрявцев. — Москва : Политиздат, 1989. — 351 с.
72. Антонян Ю.М. Криминальная патопсихология / Ю.М. Антонян, В.В. Гульдан. — Москва : Наука, 1987. — 248 с.
73. Королев В.В. Психические отклонения у подростков-правонарушителей / В.В. Королев. — Москва : Медицина, 1992. — 208 с.
74. Антонян Ю.М. Личность преступника / Ю.М. Антонян, В.Н. Кудрявцев, В.Е. Эминов. — Санкт-Петербург : Юрид. центр Пресс, 2004. — 366 с.
75. Антонян Ю.М. Личность преступника. Криминологическое исследование / Ю.М. Антонян, В.Е. Эминов. — Москва : Инфра-М, 2010. — 368 с.
76. Булатов Р.М. Преодолевая навязанные стереотипы: социальное и биологическое в правонарушающем поведении: теоретико-экспериментальный аспект / Р.М. Булатов. — Казань : Изд-во Казан. ун-та, 2014. — 100 с.
77. Социальные отклонения / С.В. Бородин, В.Н. Кудрявцев, Ю.В. Кудрявцев, В.С. Нерсисян. — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва : Юрид. лит., 1989. — 368 с.

REFERENCES

1. Isaev M.M. *Obshchaya chast' ugovnogo prava RSFSR* [General Part of the Criminal Law of the RSFSR]. Leningrad, Gosudarstvennoe Izdatel'stvo Publ., 1925. 199 p.
2. Lombroso C. *Les Anarchistes*. Paris, Flammarion, 1896. 258 c.
3. Ferri E. *Criminal Sociology*. New York, D. Appleton & Company, 1898. 284 p.
4. Liszt F. *Lehrbuch des deutschen Strafrechts*. Berlin, J. Guttentag, 1900. 678 p.
5. Dril' D.A. *Prestupnost' i prestupniki. Uchenie o prestupnosti i merakh bor'by s neyu* [Crime and Criminals. Theory of Crime and its Counteraction]. Moscow, Infra-M Publ., 2006. 770 p.
6. Gogel' S.K. *Kurs ugovnoi politiki v svyazi s ugovnoi sotsiologiei* [A Course in Criminal Policy in Connection with Criminal Sociology]. Moscow, Infra-M Publ., 386 p.
7. Neklyudov N.A. *Ugovno-statisticheskie etyudy* [Criminal-Statistical Essays]. Moscow, Infra-M Publ., 2009. 197 p.
8. Chubinskii M.P. *Ocherki ugovnoi politiki* [Essays on Criminal Policy]. Moscow, Infra-M Publ., 2008. 435 p.
9. Bulatov S.Ya. The Rise of Lombroso in Soviet Criminology. *Revolutsiya prava = Revolution of Law*, 1929, no. 1, pp. 42–61. (In Russian).
10. Khaletskii A.M. To the psychology of hooliganism. *Izuchenie prestupnosti i penitentsiarnaya politika* [Research of Crime and Penitentiary Policy]. Odessa, 1928, iss. 2, pp. 5–28. (In Russian).
11. Volkov G.I. *Ugovnoe pravo i refleksiologiya* [Criminal Law and Reflexology]. Harkov, 1926. 132 p.
12. Poznyshhev S.V. *Kriminal'naya psikhologiya. Prestupnye tipy* [Criminal Psychology. Criminal Types]. Leningrad, Gosudarstvennoe Izdatel'stvo Publ., 1926. 255 p.
13. Kozlovskii M.Yu. Proletarian Revolution and Criminal Law. *Proletarskaya revolyutsiya i pravo = Proletarian Revolution and Law*, 1918, no. 1, pp. 7–10. (In Russian).
14. Kufayev V.I. *Pedagogicheskie mery bor'by s pravonarusheniyami nesovershennoletnikh* [Pedagogical measures of suppressing juvenile crime]. Moscow, Rabotnik Prosveshcheniya Publ., 1927. 167 p.
15. Titova T.S., Safuanov F.S. The Study of the Criminal Personality and Crime (Historical Excursus). *Rossiiskii psikhiatricheskii zhurnal = Russian Journal of Psychiatry*, 2017, no. 1, pp. 54–59. (In Russian).
16. Krasnushkin E.K. *Izuchenie lichnosti prestupnika v SSSR i za granitsej* [Researching the personality of a criminal in the USSR and abroad]. Moscow, Moszdravotdel Publ., 1925. 67 p.
17. Krasnushkin E.K. *Sudebno-psikhiatricheskie ocherki* [Forensic Psychiatric Essays]. Moscow, M. and S. Sabashnikov Publ., 1926. 114 p.
18. Poznyshhev S.V. *Kriminal'naya psikhologiya. Prestupnye tipy. O psikhologicheskom issledovanii lichnosti kak sub"ekta povedeniya vooobshche i ob izuchenii lichnosti prestupnika v chastnosti* [Criminal Psychology. Criminal Types. On Psychological Research of Personality as Subject of Behavior in General and Research of Personality of Criminal in Particular]. Moscow, Infra-M Publ., 302 p.

19. Piontkovskii A.A. *Marksizm i ugovolnoe pravo. O nekotorykh spornykh voprosakh teorii ugovalnogo prava* [Marxism and the Criminal Law. On Certain Disputable Issues of Criminal Law Theory]. Moscow, Juridical Publishing House of the People's Commissariat of Justice of the USSR, 1928. 241 p.
20. Gernet M.N. *Moral'naya statistika (ugolvnaya statistika i statistika samoubiistv)* [Moral Statistics (Criminal Statistics and Statistics of Suicides)]. Moscow, 1922. 269 p.
21. Shirvindt E.G. (ed.). *Reforma tyurem i perspektivy ispravitel'no-trudovogo dela v SSSR. 1-e Vsesoyuznoe soveshchanie penitentsiarnykh deyatel'ei, 15–21 oktyabrya 1928 g.* [Prison Reform and the Prospects of Correctional Labor in the USSR. First All-Union Meeting of Penitentiary Employees, October 15–21, 1928]. Moscow, 1929. 283 p.
22. Ivanova L.O., Il'ina L.V. *Puti i sud'by otechestvennoi kriminologii* [Ways and Fate of Domestic Criminology]. Moscow, Nauka Publ., 1991. 208 p.
23. Kudryavtsev V.N. (ed.). *Kriminologiya. Ispravitel'no-trudovoe pravo. Istoriya yuridicheskoi nauki* [Criminology. Corrective Labour Law. History of Jurisprudence]. Moscow, Nauka Publ., 1977. 192 p.
24. Men'shagin V.D., Vyshinskaya Z.A. *Sovetskoe ugovolnoe pravo* [Soviet Criminal Law]. Moscow, Gosyurizdat Publ., 1950. 520 p.
25. Gertsenzon A.A. *Ugolovnoe pravo i sotsiologiya* [Criminal Law and Sociology]. Moscow, Yuridicheskaya Literatura Publ., 1970. 286 p.
26. Sakharov A.B. *O lichnosti prestupnika i prichinakh prestupnosti v SSSR* [On the Personality of the Criminal and the Causes of Crime in the USSR]. Moscow, Gosyurizdat Publ., 1961. 280 p.
27. Gertsenzon A.A. *Vvedenie v sovetskuyu kriminologiyu* [Introduction to the Soviet Criminology]. Moscow, Yuridicheskaya Literatura Publ., 1965. 228 p.
28. Gertsenzon A.A., Zvirbul' V.K., Karpets I.I., Kasatkin Yu.P.; Gertsenzon A.A., Karpets I.I., Kudryavtsev V.N. (eds.). *Sovetskaya kriminologiya* [Soviet Criminology]. Moscow, Yuridicheskaya Literatura Publ., 1966. 320 p.
29. Korobeinikov B.V., Kuznetsova N.F., Min'kovskii G.M. (eds.). *Kriminologiya* [Criminology]. Moscow, Yuridicheskaya Literatura Publ., 1988. 384 p.
30. Kudryavtsev V.N., Eminov V.E. (eds.). *Kriminologiya* [Criminology]. Moscow, Yurist" Publ., 1997. 512 p.
31. Alekseev A.I. *Kriminologiya* [Criminology]. Moscow, Shchit-M Publ., 1998. 340 p.
32. Kuznetsova N.F., Argunova Yu.N. (eds.). *Kriminologiya* [Criminology]. Moscow, Zertsalo-M Publ., 2001. 208 p.
33. Malkov V.D. (ed.). *Kriminologiya* [Criminology]. Moscow, Yustitsinform Publ., 2004. 528 p.
34. Kudryavtsev V.N. *Lektsii po kriminologii* [Lecture in Criminology]. Moscow, Yurist" Publ., 2005. 188 p.
35. Kleimenov M.P. *Kriminologiya* [Criminology]. Moscow, Norma Publ., 2009. 448 p.
36. Luneev V.V. *Kurs mirovoi i rossiiskoi kriminologii* [A Course in the World and Russian Criminology]. Moscow, Yurait Publ., 2011. Vol. 1. 1003 p.
37. Antonyan Yu.M. *Kriminologiya* [Criminology]. Moscow, Yurait Publ., 2012. 523 p.
38. Osipov G.V. (ed.). *Rabochaya kniga sotsiologa* [Working Book of Sociologist]. Moscow, Nauka Publ., 1976. 512 p.
39. Shikhirev P.N. *Sovremennaya sotsial'naya psikhologiya SShA* [Modern Social Psychology in the USA]. Moscow, Nauka Publ., 1979. 230 p.
40. Andreeva G.M. *Sotsial'naya psikhologiya* [Social Psychology]. Moscow, Aspekt Press Publ., 2008. 363 p.
41. Volzhenkin B.V. *Problemy sovershenstvovaniya ugovalnogo zakonodatel'stva ob otvetstvennosti za legalizatsiyu prestupnykh dokhodov. Izbrannye trudy po ugovolnomu pravu i kriminologii (1963–2007 gg.)* [Problems of Improving Criminal Legislation on Liability for Money Laundering. Selected Works on Criminal Law and Criminology (1963–2007)]. Saint Petersburg, Yuridicheskii Tsentri Press Publ., 2008. 972 p.
42. Grishanin P.F. *Otvetstvennost' prestupnikov-retsidivistov po sovetskomu ugovolnomu pravu* [Responsibility of Criminals Recidivists on the Soviet Criminal Law]. Moscow, Academy of the Ministry of Internal Affairs of the USSR Publ., 1974. 150 p.
43. Kon I.S. *Sotsiologiya lichnosti* [Sociology of Person]. Moscow, Politizdat Publ., 1967. 383 p.
44. Efendiev A.G. (ed.). *Obshchaya sotsiologiya* [General Sociology]. Moscow, Infra-M Publ., 2002. 634 p.
45. Yakovlev A.M. *Prestupnost' i sotsial'naya psikhologiya* [Crime and Social Psychology]. Moscow, Yuridicheskaya Literatura Publ., 1971. 248 p.
46. Filimonov V.D. *Obshchestvennaya opasnost' lichnosti prestupnika* [Public Danger of the Criminal's Personality]. Tomsk State University Publ., 1970. 275 p.
47. Igoshev K.E. *Tipologiya lichnosti prestupnika i motivatsiya prestupnogo povedeniya* [Typology of the Identity of the Criminal and Motivation of Criminal Behavior]. Gorky Higher School of Ministry of Internal Affairs Publ., 1974. 168 p.
48. Kudryavtsev V.N., Kondrashkov N.N., Leikina N.S., Min'kovskii G.M. *Lichnost' prestupnika* [Personality of a criminal]. Moscow, Yuridicheskaya Literatura Publ., 1975. 270 p.
49. Uznadze D.N. *Psikhologicheskie issledovaniya* [Psychological Research]. Moscow, Nauka Publ., 1966. 452 p.
50. Filimonov V.D. *Kriminologicheskie osnovy ugovalnogo prava* [The Criminological Basis of Criminal Law]. Tomsk State University Publ., 1981. 214 p.
51. Filimonov V.D. *Obshchestvennaya opasnost' lichnosti otdel'nykh kategorii prestupnikov i ee ugovolno-pravovoe znachenie* [The Public Danger of the Personality of Certain Categories of Criminals and its Criminal Law Significance]. Tomsk State University Publ., 1973. 154 p.
52. Golik Yu.V. *Sluchainyi prestupnik* [Casual Criminal]. Tomsk State University Publ., 1984. 167 p.
53. Luneev V.V. *Motivatsiya prestupnogo povedeniya* [Motivation of Criminal Behavior]. Moscow, Nauka Publ., 1991. 383 p.
54. Dolgova A.I. Legal Consciousness in the Mechanism of Criminal Behavior and its Defects in Teenagers. In Kudryavtsev V.N. (ed.). *Voprosy izucheniya i preduprezhdeniya pravonarushenii nesovershennoletnikh* [Issues of Researching and Preventing Underage Crime]. Moscow, 1970, pt. 1, pp. 135–149. (In Russian).

55. Bochkareva G.G. Issues of Researching the Personality of the Criminal and their Significance for Criminology. In Kudryavtsev V.N. (ed.). *Voprosy izucheniya i preduprezhdeniya pravonarushenii nesovershennoletnikh* [Issues of Researching and Preventing Underage Crime]. Moscow, 1970, pt. 1, pp. 96–100. (In Russian).
56. Kudryavtsev V.N. *Konflikt i nasil'stvennoe prestuplenie* [Conflict and Violent Crime]. Moscow, Nauka Publ., 1991. 174 p.
57. Zelenskii A.F. *Retsidiv prestuplenii i lichnost' retsdivista* [Repeat crimes and Personality of Recidivist]. Volgograd, Higher Investigative School of the Ministry of Internal Affairs of the USSR Publ., 1980. 108 p.
58. Antonyan Yu.M. The criminogenic role of psychological alienation of a person. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo = Soviet State and Law*, 1988, no. 8, pp. 53–57. (In Russian).
59. Antonyan Yu.M., Golubev V.P., Kudryakov Yu.N. *Lichnost' korystnogo prestupnika* [A Mercenary Criminal's Personality]. Tomsk State University Publ., 1989. 160 p.
60. Antonyan Yu.M., Golubev V.P., Kudryakov Yu.N. *Iznasilovaniya: prichiny i preduprezhdenie* [Rape: Causes and Prevention]. Moscow, All-Russian Research Institute of MIA of the USSR Publ., 1990. 192 p.
61. Antonyan Yu.M. Thematic Apperception Test in studying the personality of a criminal. In Antonyan Yu.M. (ed.). *Lichnost' prestupnika: metody izucheniya i problemy vozdeystviya* [The Personality of a Criminal: Methods of Research and Problems of Influence]. Moscow, 1988, pp. 4–16. (In Russian).
62. Shesler A.V. *Ustoichivye prestupnye gruppy nesovershennoletnikh (ugolovno-pravovye i kriminologicheskie voprosy). Kand. Diss.* [Stable criminal groups of juveniles (criminal law and criminological aspects). Cand. Diss.]. Tomsk, 1991. 206 p.
63. Prozumentov L.M. *Gruppovaya prestupnost' nesovershennoletnikh i ee preduprezhdenie* [Juvenile Group Delinquency and its Prevention]. Tomsk State University Publ., 1993. 144 p.
64. Noi I.S. *Metodologicheskie problemy sovetskoi kriminologii* [Methodological Issues of Soviet Criminology]. Saratov State University Publ., 1975. 223 p.
65. Noi I.S. The personality of the criminal and its research in the study of crime in a socialist society. *Uchenye zapiski Saratovskogo yuridicheskogo instituta = Scientific Notes of the Saratov Law Institute*, 1969, iss. 16, pp. 5–24. (In Russian).
66. Noi I.S. *Sushchnost' i funktsii ugolovnogo nakazaniya v sovetskom gosudarstve* [Essence and Functions of Criminal Punishment in the Soviet State]. Saratov State University Publ., 1973. 192 p.
67. Kudryavtsev V.N. *Prichinnost' v kriminologii* [Causality in Criminology]. Moscow, Yuridicheskaya Literatura Publ., 1968. 176 p.
68. Kudryavtsev V.N. *Prichiny pravonarushenii* [Causes of Offences]. Moscow, Norma Publ., 2017. 286 p.
69. Emel'yanov V.P. *Prestupnost' nesovershennoletnikh s psikhicheskimi anomaliami* [Juvenile Delinquency with Mental Abnormalities]. Saratov State University Publ., 1980. 97 p.
70. Antonyan Yu.M., Borodin S.V. *Prestupnost' i psikhicheskie anomalii* [Crimes and Psychic Anomalies]. Moscow, Nauka Publ., 1987. 208 p.
71. Dubinin N.P., Karpets I.I., Kudryavtsev V.N. *Genetika. Povedenie. Otvetstvennost'* [Genetics. Behavior. Responsibility]. Moscow, Politizdat Publ., 1989. 351 p.
72. Antonyan Yu.M., Gul'dan V.V. *Kriminal'naya patopsikhologiya* [Criminal Patho-Psychology]. Moscow, Nauka Publ., 1991. 248 p.
73. Korolev V.V. *Psikhicheskie otkloneniya u podrostkov-pravonarushitelei* [Mental Deviations of Juvenile Delinquents]. Moscow, Meditsina Publ., 1992. 208 p.
74. Antonyan Yu.M., Kudryavtsev V.N., Jeminov V.E. *Lichnost' prestupnika* [Personality of Criminal]. Saint Petersburg, Yuridicheskii Tsentri Press Publ., 2004. 366 p.
75. Antonyan Yu.M., Jeminov V.E. *Lichnost' prestupnika. Kriminologo-psihologicheskoe issledovanie* [Personality of Criminal. Criminological and Psychological Study]. Moscow, Infra-M Publ., 2010. 368 p.
76. Bulatov R.M. *Preodolevaya navyazannye stereotipy: sotsial'noe i biologicheskoe v pravonarushayushchem povedenii: teoretiko-eksperimental'nyi aspekt* [Overcoming the Imposed Stereotypes: the Social and the Biological in the Delinquent Behavior: Theoretical and Experimental Aspect]. Kazan State University Publ., 2014. 100 p.
77. Borodin S.V., Kudryavtsev V.N., Kudryavtsev Yu.V., Nersesyants V.S. *Sotsial'nye otkloneniya* [Social Deviations]. 2nd ed. Moscow, Yuridicheskaya Literatura Publ., 1989. 368 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Шеслер Александр Викторович — профессор кафедры уголовного права Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, г. Томск, Российская Федерация; профессор кафедры уголовного права Кузбасского института Федеральной службы исполнения наказаний России, доктор юридических наук, профессор, г. Новокузнецк, Российская Федерация; e-mail: sofish@inbox.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Шеслер А.В. Личность преступника в криминологических исследованиях советского периода / А.В. Шеслер. — DOI: 10.17150/2500-4255.2020.14(2).193-205 // Всероссийский криминологический журнал. — 2020. — Т. 14, № 2. — С. 193–205.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Shesler, Alexander V. — Professor, Chair of Criminal Law, Law Institute, National Research Tomsk State University, Tomsk, the Russian Federation; Professor, Chair of Criminal Law, Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Doctor of Law, Professor, Novokuznetsk, the Russian Federation; e-mail: sofish@inbox.ru.

FOR CITATION

Shesler A.V. The personality of a criminal in criminological studies of the Soviet period. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2020, vol. 14, no. 2, pp. 193–205. DOI: 10.17150/2500-4255.2020.14(2).193-205. (In Russian).